

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
ТАЛАНТ

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176200

Антон Павлович Чехов

Талант

Художник Егор Саввич, живущий на даче у обер-офицерской вдовы, сидит у себя на кровати и предается утренней меланхолии. На дворе скоро осень. Тяжелые, неуклюжие облака пластами облекли небо; дует холодный, пронзительный ветер, и деревья с жалобным плачем гнутся все в одну сторону. Видно, как кружатся в воздухе и по земле желтые листья. Прощай, лето! Эта тоска природы, если взглянуть на нее оком художника, в своем роде прекрасна и поэтична, но Егору Саввичу не до красот. Его съедает скука, и утешает его только одна мысль, что завтра он уже не будет на этой даче. Кровать, стулья, столы, пол – всё завалено подушками, скомканными одеялами, корзинами. В комнатах не подметено, с окон содраны ситцевые занавески. Завтра переезжать в город!

Вдовы-хозяйки нет дома. Она поехала куда-то нанимать подводы, чтобы завтра перевозиться. Дочь ее Катя, девушка лет 20-ти, пользуясь отсутствием строгой мамыши, давно уже сидит в комнате молодого человека. Завтра художник уезжает, а ей многое нужно сказать ему. Она говорит, говорит и чувствует, что не сказала еще и десятой доли того, что следовало бы сказать. Глазами, полными слез, она глядит на его косматую голову, глядит и с грустью и с восторгом. А космат

Егор Саввич до безобразия, до звероподобия. Волосы до лопаток, борода растёт из шеи, из ноздрей, из ушей, глаза спрятались за густыми, нависшими прядями бровей. Так густо, так перепуталось, что попадись в волосы муха или таракан, то не выбраться им из этого дремучего леса во веки веков. Егор Саввич слушает Катю, зевает. Он устал. Когда Катя начинает всхлипывать, он угрюмо взглядывает на нее сквозь нависшие брови, хмурится и говорит густым, тяжелым басом:

– Я не могу жениться.

– Почему же? – тихо спрашивает Катя.

– Потому что художнику и вообще человеку, живущему искусством, нельзя жениться. Художник должен быть свободен.

– Чем же я помешала бы вам, Егор Саввич?

– Я не про себя говорю, а вообще... Знаменитые писатели и художники никогда не женятся.

– И вы будете знаменитостью, я это отлично понимаю, но войдите же и в мое положение. Я боюсь мамыши... Она строгая и раздражительная. Как узнает, что вы на мне не женились, а так только... то и начнет меня изводить. О, горе мое! А тут вы еще ей за квартиру не заплатили!

– Чёрт с ней, заплачу...

Егор Саввич поднимается и начинает ходить.

– За границу бы! – говорит он.

И художник рассказывает, что нет ничего легче, как съездить за границу. Для этого стоит только написать картину и

продать.

– Конечно! – соглашается Катя. – Отчего же вы летом не писали?

– Да разве я могу в этом сарае работать? – говорит с досадой художник. – И где я здесь взял бы натурщиков?

Где-то внизу под полом ожесточенно хлопает дверь. Катя, с минуты на минуту ожидающая прихода матери, встает и убегает. Художник остается один. Долго он ходит из угла в угол, лавируя между стульями и грудями домашней рухляди. Слышно ему, как вернувшаяся вдова стучит посудой и громко бранит каких-то мужиков, запросивших с нее по два рубля с воза. С огорчения Егор Саввич останавливается перед шкапчиком и долго хмурится на графин с водкой.

– А, чтоб тебя подстрелило! – слышит он, как вдова набрасывается на Катю. – Погибели на тебя нету!

Художник выпивает рюмку, и мрачная туча на его душе мало-помалу проясняется, и он испытывает такое ощущение, точно у него в животе улыбаются все внутренности. Он начинает мечтать... Воображение его рисует, как он становится знаменитостью. Будущих произведений своих он представить себе не может, но ему ясно видно, как про него говорят газеты, как в магазинах продают его карточки, с какою завистью глядят ему вслед приятели. Он силится вообразить себя в богатой гостиной, окруженным хорошенькими поклонницами, но воображение рисует ему что-то туманное, неясное, так как он ни разу в жизни не видал гостиной; хо-

рошенькие поклонницы также не выходят, потому что он, кроме Кати, отродясь не видал ни одной поклонницы, ни одной порядочной девушки. Люди, не знающие жизни, обыкновенно рисуют себе жизнь по книгам, но Егор Саввич не знал и книг; собирался было почитать Гоголя, но на второй же странице уснул...

– Не разгорается, чтоб он треснул! – орет где-то внизу вдова, ставя самовар. – Катька, подай угли!

Мечтающий художник чувствует потребность поделиться с кем-нибудь своими надеждами и мечтами. Он спускается вниз в кухню, где в самоварном чаду, около темной печи, копошатся толстая вдова и Катя. Здесь он садится на скамью около большого горшка и начинает:

– Хорошо быть художником! Куда хочу, туда иду; что хочу, то делаю. На службу не ходить, земли не пахать... Ни начальства у меня, ни старших... Сам я себе старший. И при всем том пользу приношу человечеству!

А после обеда он заваливается «отдохнуть». Обыкновенно спит он до вечерних потемок; но на сей раз вскоре после обеда чувствует он, что кто-то тянет его за ногу, кто-то, смеясь, выкрикивает его имя. Он открывает глаза и видит своего товарища Уклейкина, пейзажиста, ездившего на всё лето в Костромскую губернию.

– Ба! – радуется он. – Кого вижу!

Начинаются рукопожатия, расспросы.

– Ну, привез что-нибудь? Чай, сотню этюдов накатал? –

говорит Егор Саввич, глядя, как Уклеikin выкладывает из чемодана свои пожитки.

– Н-да... Кое-что сделал... А ты как? Написал что-нибудь?

Егор Саввич лезет за кровать и, весь побагровев, достает оттуда запыленный и подернутый паутиной холст, натянутый на подрамник.

– Вот... «Девушка у окна после разлуки со своим женихом»... – говорит он. – В три сеанса. Далеко еще не кончено.

Картина изображает едва подмалеванную Катю, сидящую у открытого окна; за окном палисадник и лиловая даль. Уклеikinу картина не нравится.

– Гм... Воздуху много и... и экспрессия есть, – говорит он. – Даль чувствуется, но... этот куст кричит... Страшно кричит!

На сцену появляется графинчик.

К вечеру заходит к Егору Саввичу его товарищ и сосед по даче, исторический художник Костылев, малый лет 35-ти, тоже начинающий и подающий надежды. Он длинноволос, носит блузу и воротники а la Шекспир, держит себя с достоинством. Увидев водку, он морщится, жалуется на большую грудь, но, уступая просьбам товарищей, выпивает рюмку.

– Придумал я, братцы, тему... – говорит он, хмелея. – Хочется мне изобразить какого-нибудь этакго Нерона... Ирода, или Клепентьяна, или какого-нибудь, понимаете ли, подлеца в этаком роде... и противопоставить ему идею христи-

анства. С одной стороны Рим, с другой, понимаете ли, христианство... Мне хочется изобразить дух... понимаете? дух!

А вдова внизу то и дело кричит:

– Катя, подай огурцов! Кобыла, сходи к Сидорову, возьми квасу!

Коллеги, все трое, как волки в клетке, шагают по комнате из угла в угол. Они без умолку говорят, говорят искренно, горячо; все трое возбуждены, вдохновлены. Если послушать их, то в их руках будущее, известность, деньги. И ни одному из них не приходит в голову, что время идет, жизнь со дня на день близится к закату, хлеба чужого съедено много, а еще ничего не сделано; что они все трое – жертва того неумолимого закона, по которому из сотни начинающих и подающих надежды только двое, трое выскакивают в люди, все же остальные попадают в тираж, погибают, сыграв роль мяса для пушек... Они веселы, счастливы и смело глядят в глаза будущему!

Во втором часу ночи Костылев прощается и, поправляя свои шекспировские воротники, уходит домой. Пейзажист остается ночевать у жанриста. Перед тем, как ложиться спать, Егор Саввич берет свечу и пробирается в кухню напиться воды. В узеньком, темном коридорчике, на сундуке сидит Катя и, сложив на коленях руки, глядит вверх. По ее бледному, замученному лицу плавают блаженная улыбка, глаза блестят...

– Это ты? О чем ты думаешь? – спрашивает у нее Егор

Саввич.

– Я думаю о том, как вы будете знаменитостью... – говорит она полушёпотом. – Мне всё представляется, какой из вас выйдет великий человек... Сейчас я все ваши разговоры слышала... Я мечтаю... мечтаю...

Катя закатывается счастливым смехом, плачет и благоговейно кладет руки на плечи своего божка.